

ДАРИО ФО

ДОЧЬ ПОНТИФИКА

ЛИМБУС ПРЕСС

ЛАУРЕАТ
НОБЕЛЕВСКОЙ
ПРЕМИИ

Дарио Фо
Франка Раме
Дочь понтифика

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67764384

Дарио Фо, Франка Раме. Дочь понтифика: Лимбус Пресс; ООО

«Издательство К. Тублина»; СПб; 2022

ISBN 978-5-8370-0921-1

Аннотация

Автор этого романа, известный итальянский писатель и драматург Дарио Фо, в 1997 году был удостоен Нобелевской премии по литературе. Ироничный и занимательный, роман «Дочь понтифика» посвящен судьбе Лукреции Борджиа и, построенный на строго документальной основе, по-новому освещает образ этой неоднозначной и по-своему блестящей личности на фоне исторических реалий эпохи Итальянского Возрождения.

Содержание

Предисловие	9
Море грязи по колено	9
Проделки на посиделках	15
Милосердие власти	19
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	22
Благословенная урна	22
Идеальная семья	30
Хитросплетения страсти	42
Свадьба – замковый камень триумфальной арки любви	47
Театр марионеток в театре военных действий	53
Иногда и королю полезно склонить голову	62
Лукреция исчезает	66
Время для новой интриги	73
Чушь собачья	75
Все тайны Рима всплывают в Тибре	79
Напрасно ждать помощи от сильных мира сего	81
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Дарио Фо, Франка Раме

Дочь понтифика

Dario Fo, Franca Rame LA FIGLIA DEL PAPA

Questo libro è stato tradotto grazie ad un contributo alla traduzione assegnato dal Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale Italiano

Иллюстрации Дарио Фо в сотрудничестве с Джессикой Боррони и Микелой Казьер

Эта книга была переведена при поддержке Министерства Иностранных Дел и Международного Сотрудничества Италии

© Chiarelettere Editore s.r.l., 2014

Gruppo editoriale Mauri Spagnol

Illustrations by Dario Fo in collaboration with Jessica Borroni and Michela Casiere

© ООО «Издательство К. Тублина», 2022

© А. Веселов, оформление, 2022

«Господи! Если на тебя, обнаженного, смотреть сверху, а не снизу или сбоку, ты еще красивее. Ты из каких будешь, неаполитанец?» *Лукреция*

Луcreция

Предисловие

Море грязи по колено

Сохранилось множество документов, повествующих о жизни, триумфах и подлостях семейства Борджиа. О нем написаны книги, поставлены спектакли, сняты прекрасные фильмы с первоклассными актерами, а недавно на телевидении даже успешно прошел вдохновленный этими персонажами сериал.

Чем же так привлекательна жизнь сих личностей? Без сомнения, свойственной им моральной нечистоплотностью и необузданностью во всем: от сексуальных запросов до общественного поведения и принятия политических решений.

Среди известных писателей, вдохновленных нравственным релятивизмом и любовными похождениями названной семьи, стоит назвать Александра Дюма, Виктора Гюго и Марию Беллончи¹. Но одним из первых в этом ряду был Джон Форд, английский драматург елизаветинской эпохи. Думается, сюжет его пьесы «Жаль, что она блудница» навеян известными похождениями Лукреции Борджиа и ее брата

¹ Мария Беллончи (1902–1986) – итальянская писательница, историк и журналист, известная прежде всего своей биографией Лукреции Борджиа. *(Примеч. переводчика.)*

Чезаре, которые, по слухам, были любовниками. Маргерита Рубино² обратила наше внимание еще на два текста, которые принадлежат, соответственно, Джованни Фалуджи и Спероне Сперони, современникам Лукреции. В них она предстает в образе прекрасной римлянки – метаморфоза почище Овидиевых.

История папы римского Александра VI и его родственников, неотделимая от эпохи итальянского Возрождения, выливается в бурную сагу, персонажи которой не испытывают ни малейшего уважения ни к своим противникам, ни к себе самим.

Лукреция, тут нет сомнений, с самой ранней юности была жертвой, неоднократно без жалости возлагаемой на алтарь финансовых и политических интересов. Ни отцу, ни брату дела не было до того, о чем при этом думает она сама. «А что тут думать?» – так, должно быть, рассуждали и отец (папа), и брат (кардинал). Лукреция была для них всего лишь милашкой с привлекательными округлостями спереди и сзади. Да, чуть не запамятовал: взгляд у нее тоже был обворожительный.

² Маргерита Рубино – итальянская писательница. (Примеч. переводчика.)

Франческо Сфорца

Лодовико Моро

В те времена подобные ситуации складывались не только в Риме. Вспомним хотя бы Милан и его семейства Висконти и Сфорца, с которыми еще не раз доведется встретиться в ходе нашего повествования. Когда в 1447 году умер, не оставив мужского потомства, Филиппо Мария Висконти, его незаконнорожденная дочь Бьянка Мария немедленно стала считаться по такому случаю совершенно законной. Ее выдали замуж за кондотьера Франческо Сфорца (человека отнюдь не родовитого, из мельников, но сделавшего блестящую карьеру). Один за другим родились восемь детей, среди них Галеаццо Мария и Лодовико, позже прозванный Моро. Так зародилась новая династия.

Герцог Милана Галеаццо Мария был, как говорят в Неаполе, *sciurpafemmene*, то есть потаскун, блудивший равно со шлюхами и знатными дамами, чем нажил себе немало врагов. Его убивали сразу несколько человек: Галеаццо Марию совместно закололи у церкви Санто-Стефано 26 декабря 1476 года – в день празднования вышеупомянутого святого – Джованни Андреа Лампуньяни, Джероламо Ольджати и Карло Висконти, известный как Бастардо. Сколько желающих, прямо как у Юлия Цезаря!

Наследовать Галеаццо Марии должен был его семилетний сын Джан Галеаццо. Но дядюшка Моро при поддержке Франции добился регентства и стал править сам.

Однако этого мало. Чтобы окончательно укрепиться во власти, Лодовико задумал отравить племянника. Он дает яд мальчику небольшими дозами – пусть чахнет постепенно, тогда не возникнет никаких неприятных подозрений. Всё идет как надо; дитя, как и было задумано, умирает после долгой агонии, дядя Лодовико проливает у гроба море горьких слез и становится герцогом Миланским.

Почему мы так подробно рассказываем об этом семействе? Хотя бы потому, что через несколько лет Моро женится на Беатриче д'Эсте, а ее брат Альфонсо, тоже д'Эсте, станет мужем интересующей нас Лукреции Борджиа.

Родственные связи на этом не обрываются: Изабелла д'Эсте, сестра Альфонсо и Беатриче, выйдет замуж за Франческо Гонзага, маркиза Мантуанского, который, как мы увидим дальше, тоже был замешан в некоторые проказы нашей Лукреции. Но и здесь круг пока еще не замыкается.

Чтобы оценить нравы, царившие в конце пятнадцатого века в Риме, да и по всей Италии, недурно бы упомянуть еще некоторые факты. Приведем для начала письмо одного молодого, только что рукоположенного епископа, посланное бывшему товарищу по семинарии.

Проделки на посиделках

Отправитель повествует в своей эпистоле о некоем папском застолье, во время которого *bonaefemene*, то есть куртизанки высокого ранга, демонстрировали на полу, уставленном горящими ароматизированными свечами, танец особого рода. Каждая из танцовщиц приседала все ниже и ниже, тушила приподнятым подолом свечу, садилась рядом с ней, зажимала огарок между лядвеями и поднималась, стараясь его не выронить. Аплодисменты были бурными.

Следующий рассказ подводит к началу основной нашей истории: 23 июля 1492 года папа Иннокентий VIII впадает в кому, и несколько дней все ждут его смерти.

Савонарола, бич епископов и пап, сказал об Иннокентии: «Невинным в нем было только имя»³.

Александр Дюма-отец, создавший чудесную историю о Борджиа и предшествовавших им понтификах, пишет, что Иннокентия прозвали истинным папой, ибо за полную удовольствие и любовных походов приятную жизнь он увеличил число своих подданных на восемь мальчиков и восемь девочек⁴ – разумеется, от разных любовниц. Выбирать подходящих ему было довольно трудно. Из-за катастрофической близорукости понтифика повсюду сопровождал спе-

³ Innocente (*ит.*) – невинный. (*Примеч. переводчика.*)

⁴ Дюма А. Семейство Борджиа. Палермо: Селлеро, 2004.

циально назначенный епископ, которому вменялось в обязанность шепотом сообщать, как зовется и выглядит человек, целующий папский перстень.

Папа Иннокентий VIII

Хочется думать, что грешный Иннокентий VIII искренне любил своих детей, а не просто хотел их получше пристроить. Во всяком случае, для мужского потомства он подбирал достойных продолжательниц рода в лучших семействах Италии. Так, старший сын понтифика Франческетто Сайбо женился на любимой дочери Лоренцо Медичи. А дочери Иннокентия выходили замуж за самых завидных женихов.

Якоб Буркхардт в своей книге «Цивилизация эпохи Возрождения в Италии» приводит некоторые интересные подробности из жизни Иннокентия VIII и его Франческетто. Он пишет: они «создали так называемый банк светской благодати. Всякий, кто вносил в него некоторую, довольно значительную, сумму, освобождался от ответственности за любое преступление, включая убийство. Сто пятьдесят дукатов с каждой такой выплаты шло в папскую казну, остальное доставалось Франческетто. Поэтому Рим в последние годы этого понтификата так и кишел безнаказанными убийцами».

Милосердие власти

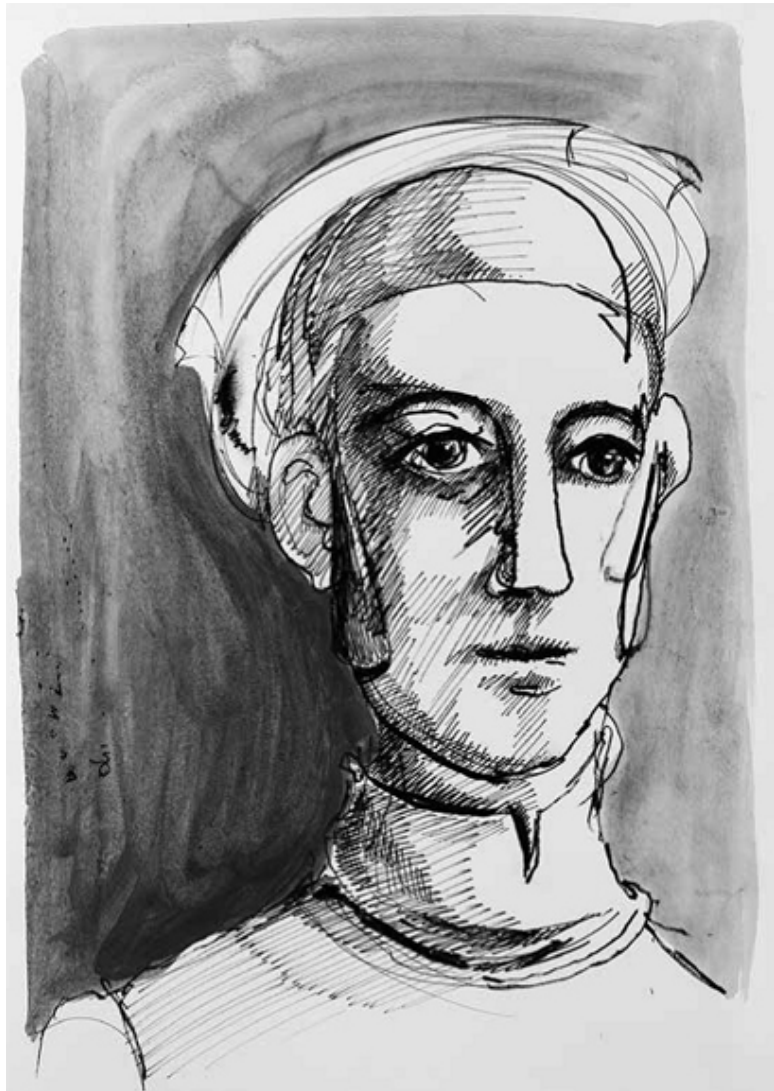
И вот летом 1492 года компания богатых преступников выросла еще на добрые две сотни человек. Да может ли такое быть? Может: за несколько недель было убито более двухсот граждан. Значит, и убийц нашлось примерно столько же.

Чем же объяснить подобную резню?

Да очень просто: сразу после смерти папы собирается конклав для избрания нового понтифика, а по его интронизации даруется прощение всем, кто совершил преступление в период выборов. Такова вековая традиция.

Как же тут не убить? Любой, кто затаил обиду, бросается мстить, пользуясь моментом, едва опустеет папский престол. Сегодня убьешь, завтра будешь прощен благодаря милосердию нового папы. Какой замечательный временной промежуток!

Ну а теперь, после всех этих рассуждений, начнем, пожалуй.

Родриго Борджиа

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Благословенная урна

11 августа 1492 года пушечные залпы из замка святого Ангела возвестили Риму и миру, что избран новый папа по имени Александр VI, в миру – Родриго Борджиа, второй понтифик из этого славного испанского рода. Соплеменники торжествовали.

Рим, разумеется, отозвался пасквилем неизвестного автора:

Конклава хорошо известен тон,
Ведутся честно выборы и бурно.
По праву тот взойдет на папский трон,
Кто знает, как и чем наполнить урну.

Римлянам были прекрасно известны имена и мотивы кардиналов, внесших в эту урну свой вклад. Асканио Сфорца, младший брат Лодовико Моро, получил во владение за поддержку победившего кандидата, как неслось отовсюду, город Непи да в придачу четырех мулов, груженных золотом. Джулиано делла Ровере удовлетворился обещанием собственной победы в следующий раз. Можно долго перечислять подачки

и потачки, доставшиеся другим выборщикам, но стоит ли? Лучше обратимся к свежеизбранному папе, семейство которого мы поместили в центр повествования.

О первых Борджиа известно немного, и этих скудных сведений слишком мало, чтобы однозначно говорить о происхождении рода. Некоторые приверженцы семейства находят его корни даже в арагонском королевском доме, что маловероятно. Более скромная (и тем самым более достоверная) версия гласит: родоначальником породы... тьфу ты, династии... был Альфонсо Борджиа. Его отец звался то ли Доменико, то ли Хуан, об имени матери упоминаний не сохранилось.

Альфонсо родился в 1378 году недалеко от Валенсии. Некоторое время служил секретным писцом при арагонском дворе, но вскоре волшебным образом сменил одеяние, и вот мы видим его уже в мантии епископа, сопровождающим в Неаполь арагонского короля, ставшего здешним правителем. А в 1444 году Альфонсо Борджиа выбран кардиналом⁵. Недурная карьера!

Не секрет, что Испания, уже в середине пятнадцатого века конкурирующая с Францией, мечтала завладеть Папской областью. В достижении этого плана Альфонсо сыграл важную роль: в 1455 году он стал понтификом под именем Каликста III. Вслед за папой, положившим начало восхождению семейства, в Рим из Валенсии потянулись как прямые,

⁵ Gregorovius F. Lucrezia Borgia. Roma: Salerno Editrice, 1983. P. 33.

так и побочные родственники святого отца. Среди них – его любимый племянник Родриго.

Многочисленные летописцы и исследователи сходятся в том, что Родриго прибыл в Рим в возрасте восемнадцати лет, всячески протезируемый дядей понтификом. Что ж тут такого: родная кровь все-таки. Каликст III берет на себя все расходы, связанные с жизнью молодого человека. В учителя для Родриго нанимается Гаспаре да Верона, обладающий высокой культурой и незаурядным педагогическим талантом.

Через некоторое время племянник папы переехал в Болонью изучать право. Полный курс обучения этой непростой профессии занимал тогда семь лет. Только не подумайте, что Родриго целиком и полностью погрузился в кодексы, риторику и теологию. Юный, энергичный, обаятельный обладатель прекрасной фигуры и хорошо подвешенного языка, он сразу становится в центре кружка университетской «золотой молодежи».

Его любят девушки – с ними он галантен. Его ценят друзья – с ними он щедр.

Тем не менее Родриго исправно посещает лекции, старательно готовится к экзаменам и получает на них высокие оценки. Однако это не мешает ему весело проводить свободное время в тавернах и публичных домах. «Слабому полу весьма трудно, – заметил преподаватель риторики, – сопротивляться его ухаживаниям. Он притягивает женщин словно железный магнит. Железо, как известно, синоним фаллоса.

О боже, что я такое говорю!»

9 августа 1456 года отличник Родриго досрочно допускается к выпускным испытаниям⁶. Восхищенный дядюшка папа на радостях назначает его кардиналом. Разумеется, делается это без особой шумихи, как-то ненавязчиво, чтобы не вызвать обвинений в кумовстве.

Но награды на этом не иссякают. Любимый племянник становится папским наместником в Анконской Марке⁷. Большая честь, но и головная боль немалая: синьоры этой провинции, несмотря на непрекращающуюся взаимную вражду, сумели сговориться об общем неповиновении римскому правительству и поднять мятеж⁸.

Поздно ночью молодой кардинал Родриго Борджиа с небольшой группой сопровождения приезжает в Анкон, а ранним утром собирает в здании курии местных стражей порядка и сборщиков налогов.

– Я направлен сюда его святейшеством, – сообщает он. – Позвольте осведомиться, готовы ли вы к проведению карательной операции? Иначе говоря, сколько у вас пехотинцев, сколько всадников, есть ли огнестрельное оружие, а главное – пушки?

Ему робко отвечают:

⁶ Gervaso R. I Borgia. Milano: Rizzoli, 1980. P. 68.

⁷ Историческая провинция Италии. Примерно соответствует современной области Марке. (Примеч. переводчика.)

⁸ Gervaso R. I Borgia. Milano: Rizzoli, 1980. P. 70.

– Нет, ваше преосвященство, ничего такого.

– Так я и думал. У меня с собой четыре повозки с аркебузами, кулевринами⁹, ружьями и четыре семифунтовые пушки-гаубицы, каждую из которых тащит пара быков.

– Мы таким оружием пользоваться не умеем, – смиренно признается начальник стражи.

– Именно поэтому я здесь.

– Стало быть, вы собираетесь научить нас, ваше преосвященство?

– Для этого я привез специальных инструкторов.

– Простите, вы, кажется, думаете, что мы будем стрелять из этих... как вы сказали... гаубиц?

Родриго отвечает:

– Я понимаю, что, учитывая ситуацию, сложившуюся в вашем прекрасном Анконе, вы не очень-то хотите палить по самым уважаемым жителям города. Мне известно, что в распрях между разными группировками знати вы, представители порядка и закона, всегда выше всего ставили уравновешенность, хладнокровие, выдержку и родственные связи. Одним словом, зарабатывали себе на жизнь, умники! Настала пора сделать выбор. С интригами, взаимными услугами и бездействием покончено. Больше уклоняться не получится. Всё, что необходимо для установления прочного мира, теперь есть. Либо стреляете вы, либо – в вас.

⁹ Огнестрельное оружие, бывшее предком аркебузы, мушкета и легкой пушки. (Примеч. переводчика.)

– Как? Кто это станет в нас стрелять?

– В Риме в полной готовности стоит тысячное войско. Стоит мне приказать – и оно через день будет здесь. Тогда дело порядка и закона возьмут в свои руки другие люди. Естественно, после того, как предадут земле прах тех из вас, кто не станет мне подчиняться. Так что выбор за вами.

– Но, видите ли... Мы не уверены, что сумеем справиться с бунтовщиками...

– Прошу прощения, вам говорит что-нибудь имя Гриппо деи Малатемпора?

– О да, – хором отвечают стражи порядка, – это один из аристократов, организовавших мятеж!

– Ну так забудьте это имя.

– Он убит?

– Пока всего лишь взят под стражу. Нынче ночью я зашелкнул на нем наручники. Скоро этот Гриппо отправится в Рим, где его немедленно предадут суду. Кстати, вам нравится слово «немедленно»?

– Да.

– Вот и прекрасно, вы еще не раз услышите его от меня.

Так в городе Анконе впервые зазвучали пушки и кулеверины.

Надо признать, что эта пальба произвела сильный эффект. Родриго Борджиа, папскому заместителю в Анконской Мар-

ке, удалось арестовать сотню высокопоставленных граждан и их соумышленников. Учитывая значение и масштаб операции, убито было гораздо меньше простого люда, чем можно было ожидать. В общем, чистая работа.

Окончив ее, Родриго, прежде чем вскочить в седло, произнес небольшую речь перед знатными горожанами (кое-кто из них еще был в наручниках, кого-то уже освободили).

– Отныне, – сказал кардинал, – ваши отношения с церковью и святым престолом будут более близким, сердечными и доверительными. С этой минуты никому, будь то гонфалоньер, капитан народа¹⁰ или судья, не придется взимать налоги, затевать грабительские войны, вершить правосудие, заправлять азартными играми и проституцией, чеканить монеты и притеснять торговцев, лавочников и ремесленников, как водилось прежде. Это дело высшей власти, которую я здесь представляю. Ах да, чуть не забыл: каждый должен впредь ежемесячно подтверждать, что заплатил всё причитающееся папской казне.

Речь эта возымела столь явный успех, особенно среди услышавшего ее простого народа, что, когда кардинал, оседлав наконец скакуна, произнес: «Прощайте, скоро увидимся!» – люди бросились за ним вслед и сопровождали до самых городских ворот, аплодируя и громко вопия: «Возвращайтесь!»

¹⁰ Должностное лицо в коммунах средневековой Италии с середины XIII до конца XV века. Представлял интересы цехов и средних слоев горожан. (Примеч. переводчика.)

щайся скорее, Родриго! Нам нужен такой, как ты!»

А кто-то даже крикнул:

– Вот кто должен быть папой!

– Спасибо, я как раз подумываю об этом, – отвечал Родриго и пустил коня рысью.

Когда он прибыл в Рим, ему снова аплодировали, уже прослышав о славных делах в Анконе. Рукоплескал на встрече в Ватикане и сам понтифик, а потом обнял племянника, как сына, и назначил Родриго вице-канцлером, тем самым сделав вторым после себя самого человеком.

Завидный служебный рост!

Идеальная семья

Женат Родриго, разумеется, не был; детей же у него народилось уже трое. То ли от одной женщины, трижды рожавшей, то ли по одному от трех разных; могут быть и другие варианты, не будем слишком дотошны.

Его отношения с дядей оставались неизменно сердечными. Но, увы, через три года после избрания у папы Каликста III разбушевалась подагра. Врачи нашли болезнь весьма серьезной¹¹. Кто бы из нас мог подумать, что причиной недуга оказалось любострастие? Однако именно так сочли эскулапы XV века: чрезмерные плотские радости – будь они застольными или постельными – опасны и пагубны!

Узнав, что понтифик при смерти, римская знать, все три года его правления с легкой понимающей улыбкой взиравшая на самые разительные случаи покровительства папы близким и дальним родственникам, наконец-то возмутилась. Сколько можно протезировать испанцам? Узурпатор! Наконец-то справедливость восторжествует – и в силу войдут свои.

Приспешники, слуги, лизоблюды, льстецы-профессионалы один за другим куда-то бесследно исчезают, и святой отец выпускает дух на глазах одного лишь Родриго. Неизменное присутствие племянника у смертного одра дяди очень тро-

¹¹ Johnson M. Casa Borgia. Roma: Editori Riuniti, 1982. P. 44.

гательно. Он в прямом смысле слова не отходит от изголовья умирающего, хотя прекрасно должен осознавать, что ему это еще могут припомнить.

Другим-то припомнили и не такое! Вокруг уходящего папы началась настоящая зачистка. Старший брат Родриго, Педро Луис, префект Рима, вынужден был за два дня до окончательного ухода понтифика бежать из города, переодевшись в чужое платье и изменив внешность, чтобы избежать расправы. (Кстати сказать, этому Педро Луису, хоть он и из Борджиа, решительно не везло: укрывшись в Чивитавеккья, он вскоре подхватил малярию и вслед за отцом отошел в лучший мир).

С Родриго дело обстояло совсем иначе. На улицах Рима убивают испанцев и тех, кто имеет к ним хоть какое-то отношение, – с головы кардинала Борджиа и волосок не падает. Разве что дворец разграбили по наущению семейства Орсини, но ни жестом, ни словом любимый племянник покойного папы не выказал по этому поводу своих чувств. В общем и целом его оставили в покое невредимым. Почему же? Смешно сказать, но, кажется, незаурядные способности и ум оставались в те времена в чести. Как и репутация человека незаменимого и обладающего непревзойденными талантами. Как и поддержка новых влиятельных персон. Во всяком случае, двадцатисемилетний вице-канцлер так и будет пребывать в этой должности на протяжении четырех последующих понтификатов; только сам воссев на священный пре-

стол, он волей-неволей вынужден будет отказаться от нее.

Но мы несколько забежали вперед. Вернемся немного назад. С кончины Каликста III минуло восемь лет, и в 1466 году (или годом позже) кардинал и вице-канцлер Родриго Борджиа встречает самую главную женщину своей жизни – именно она спустя некоторое время произведет на свет Лукрецию.

Ваноцца Каттанеи

Представьте себе девушку неземной красоты, происхождением, возможно, из Ломбардии – высокую, стройную, изящную и очаровательную. И, что не менее важно, умную – иначе она не смогла бы так долго царить в сердце столь многоопытного и могущественного мужчины.

Имя – Джованна деи Каттанеи. Близкие зовут ее Ваноццей. В момент встречи с Родриго ей было около двадцати лет, ему – тридцать пять. Кардинал, как бы скрывая возникшую связь, устраивает любовницу в большом красивом доме, куда, не очень-то таясь, приходит каждый вечер.

В те годы общество не особенно осуждало служителей католической церкви за интрижки с особами противоположного пола вне зависимости от их происхождения и социального статуса. Однако некоторую видимость приличий принято было все-таки соблюдать. Если желаете, называйте это ханжеством, наглядно изображенным Мольером в его «Тартюфе». Впрочем, здесь случай особый. В отличие от прошлых своих связей подобного рода Родриго теперь не только ищет плотских утех, но и выстраивает отношения почти домашние. Дети, рожденные Ваноццей от кардинала, будут расти и воспитываться в атмосфере почитай что семейной. Разумеется, отец не может официально считаться таковым; что же, на эту роль придется назначить кого-нибудь другого. Выбор вице-канцлера падает на Джорджио делла Кроче, немо-

лодого уже папского секретаря. Излишне говорить, что весьма высокую должность в Ватикане подставному папаше выхлопотал истинный. За исполнение дополнительных обязанностей последовала, само собой разумеется, прибавка к зарплате.

А что же сам Родриго? Он – дядя, любящий и чрезвычайно ласковый. Такой щедрый: приходит каждый вечер, и всегда с подарками. В доме есть небольшая комнатка, внизу, на первом этаже, скрытая за потайной дверцей. Итак, смеркается. Подставной муж исчезает; ближе к ночи (о! какая приятная неожиданность!) появляется дядя-кардинал. Обнимает и целует детишек, идет в свою опочивальню как бы спать, но через некоторое время потихоньку отправляется к уже ожидающей жене суррогатного отца. Если по дороге попадается ребенок, ищущий маму, потому что приснился страшный сон, дядя успокаивает несмышленища, берет на руки, уносит в кроватку и даже поет колыбельную. А потом спешит убаюкать мамочку.

По правде говоря, из всех ролей самую неутешительную приходится играть подставному мужу. Весь день изображать отца и супруга, на закате исчезать, на рассвете появляться вновь и опять изображать благоверного до вечера – не самое изысканное амплуа. Но когда за это неплохо платят и обеспечивают прочное должностное положение, можно и расстараться.

Однако, как и в любой комедии дель арте (а жанр этот как

раз тогда входил в моду), неожиданно случился резкий поворот сюжета: в одночасье умер лжемуж, он же лжеотец. Уж не насильственный ли это слом композиции? Вовсе нет, здесь все чисто. Но в маленькой труппе образовалась вакансия, и, похоронив подставного отца своих детей, Родриго, проводя время в молитвах и слезах, прикидывает, кого бы назначить на освободившееся место. Ага, Карло Канале: поэт, ровесник Ваночцы – этот вполне подойдет. Естественно, за хлопоты вокруг небезутешной вдовы и воспитание чужого потомства ему тоже будет причитаться недурной оклад содержания.

Честно отрабатывая полученные преференции, Канале вскоре заметил, что его (не его) дети весьма одарены в самых разных областях. Особенно разносторонней и восприимчивой оказалась шестилетняя Лукреция. Ей с необычайной легкостью давались и латынь, и греческий; она запросто запоминала и стихи, и прозу, и научные сведения.

Минуло шесть лет, и мы вновь подходим ко времени эпизода, упомянутого в самом начале повествования, в предисловии: 23 июля 1492 года Иннокентий VIII, прозванный истинным папой за внушительное потомство, рожденное от него самыми разными женщинами, впадает в предсмертную кому.

Нельзя не отметить, что с тех пор, как умер Каликст III (а это было тридцать пять лет назад), избрание всех последующих пап проходило под самым пристальным присмот-

ром Родриго Борджиа, чье умение просчитывать ходы и передергивать карты делало его все более незаменимым на посту вице-канцлера. Его креатурами были и Пий II, и Павел II, и Сикст IV, и помянутый Иннокентий; теперь кардинал решил, что настало время посадить на святой престол себя самого. Тогда не придется разыгрывать роль щедрого дядюшки, приходящего вечером и уходящего на рассвете: понтифику плевать на сплетни, которые непременно появятся, как только станет широко известно о его детях и метрессе. Но семья должна быть подготовлена, пора рассказать потомству правду.

Даже при отсутствии достоверных документов легко представить себе сцену признания. Он собирает вокруг себя семейство и говорит:

– Дорогие дети, ваш дядя скоро станет папой.

Крики, аплодисменты, объятия и поцелуи, все ребятишки в восторге: и старший, Хуан, которому восемнадцать, и шестнадцатилетний Чезаре, и Лукреция двенадцати лет, и Джофffre десяти.

Лукреция, прижавшись к Родриго, спрашивает:

– Но ведь мы по-прежнему сможем называть тебя дядей или ты станешь для нас вашим святейшеством?

Кардинал переводит дыхание, просит всех, включая Ваночцу и ее мужа, сесть поближе, и наступает момент истины:

– Нет, вам больше не придется называть меня дядей, потому что я не брат вашей матери. Карло Канале только ка-

жется ее вторым мужем, а ваш покойный отец на самом деле не был вашим отцом.

Родриго Борджиа (папа Александр VI)

Дети ошарашены.

Первым приходит в себя Чезаре:

– Если так, то кто же мы и кто ты?

– Я отец, настоящий ваш отец. Не только духовный, но и плотский, породивший всех вас во чреве вашей матери.

Чезаре, с обидой в голосе:

– Значит, всю жизнь нас обманывали? Зачем?

– Затем, что кардинал и вице-канцлер с четырьмя детьми, рожденными от него любимой женщиной, – это скандал. Не хотелось вас в него втягивать.

Лукреция и Джоффри плачут.

– Вы сами всегда нам говорили, что лгать дурно, – рыдает дочь, – уж лучше горькая правда, чем сладкая ложь. А теперь оказывается, что всё в нашем доме какое-то вымышленное. Ты лгал, когда брал нас на руки, мама врала, ложась с тобой в постель, и муж у нее насквозь фальшивый. Что мы скажем нашим друзьям, если они с насмешкой спросят: «Так чьи же вы дети на самом деле?»»

– А вы в ответ, – спокойно говорит Родриго, – спросите их: «А вы чьи?» Да будет вам известно, что в Ватикане и окрестностях законнорожденных можно по пальцам пересчитать. В любом случае знайте, что я всегда любил вас как своих детей, а теперь смогу делать это открыто.

– Почему же только сейчас?

– Все просто, дорогие мои. Через несколько дней я встану на вершину пирамиды, основание которой составлено тысячами людей. Эти, нижние, поддерживают вышестоящий ряд, более узкий. Те – следующий, который еще уже. И так далее, и так далее – пока не дойдет до вершины. Те, что стоят внизу, должны подчиняться строгим правилам, иначе их либо раздавит чудовищным весом, либо вытолкнет наружу, и на смену придет кто-то более подходящий. Единственный, кому никогда не грозит быть ни расплюснутым, ни выброшенным – тот, кто находится на самом верху, то есть папа. Лишь смерть может лишить его достигнутого. Вот почему ни сплетни, ни клевета, не говоря уж о неприятной правде, не будут способны затронуть ни меня, ни моих детей. «Так устроена пирамида», – говорят ученые умники. «Так устроен мир», – говорю я. И такое положение вещей вполне меня устраивает.

Хитросплетения страсти

Мы совсем забыли сказать, что незадолго до признания детям и признания детей своими Родриго встретил невероятно привлекательную юную красотку. Вот именно, речь идет о Джулии Фарнезе, представительнице семейства, которому в ближайшее время предстоит обрести необычайную силу.

Джулия выросла в деревне недалеко от Каподимонте, однако получила прекрасное образование, неплохо разбиралась в литературе, танцевала и музицировала, особенно хорошо играла на лютне. К моменту знакомства с кардиналом Борджиа девушка только-только достигла половой зрелости.

Джулия Фарнезе

Это была любовь с первого взгляда, способная потрясти горы. Еще бы – такая красота! Сам Рафаэль пожелал иметь Джулию своей моделью¹².

Вице-канцлер был сражен. Ему пятьдесят восемь, он полон духовной силы, но еще и достаточно крепок телом, чтобы прижать к груди очаровательную нимфу четырнадцати лет.

Однако кто же свел эту сладкую парочку? Об этом позаботилась Адриана де Мила, двоюродная сестра Родриго и одновременно воспитательница Лукреции, а та, в свою очередь, была дружна с Джулией. И вот юной Борджиа неожиданно открываются сразу две тайны: любящий дядюшка – это, собственно говоря, ее отец, а отец – любовник лучшей подруги. Лукреция потрясена до глубины души.

Сложные душевные движения испытывает и Родриго. Он пока еще, увы, не папа – поэтому не может откровенно предаваться незаконной страсти на глазах у всей страны. Альтернатива же такова: либо отказаться от Джулии, либо, как это было уже однажды отрепетировано с Ваночцей, подобрать любовнице фиктивного мужа.

Второй вариант нравится кардиналу больше. Адриана и тут готова помочь. Как говорится, сор из избы выносить

¹² «Дама с единорогом» Рафаэля – предполагаемый портрет Джулии Фарнезе. (Примеч. переводчика.)

негоже, и на этот случай у Родриговой кузины есть сын – Орсино Орсини. Кандидатура подходящая, даже дважды: во-первых, находится, так сказать, в шаговой доступности; во-вторых, предполагаемый жених слеп на один глаз – всего-то и забот, что прижмурить оставшийся. Все складывается как нельзя лучше. Но надо торопиться: Джулия уже беременна – разумеется, от Родриго. Всем хочется, чтобы ребенок родился в законном браке.

Все эти обстоятельства и планы – не секрет для Лукреции, тем более что она живет в это время во дворце Адрианы. Что девушке делать? Как себя вести? По правде говоря, порой ее охватывает отвращение, ей хочется обсудить ситуацию с Цезаре, любимым братом, – ему она всегда доверялась в трудную минуту. Увы, тот в Пизе, учится в университете. Лукреция решает снова перебраться к матери, в родной дом.

Ваночца заключает ее в объятия, и девушка заливается слезами: «Мама, у отца молодая пассия!» «Я знаю, – слабым голосом отзывается мать. – Тут целая интрига, и плетет ее твоя тетя Адриана. Я давно это поняла. Боюсь, теперь от меня избавятся».

И она, в свою очередь, разразилась плачем.

Надо признаться, что самые экстравагантные поступки сильных мира сего не вызывали до поры до времени не то чтобы общественного возмущения, но даже простого удивления. Беспринципность и бесстыдство в этой среде настолько были в порядке вещей, что нередко самые скандальные

истории считались почти нормой. Старинные хроники повествуют о греховных делах, творящихся в Ватикане, без излишних эмоций. Но вот на исторической сцене под аплодисменты многочисленных клеветов и бесчисленных родственников появляются Борджиа. Интерес публики – как в стране, так и за ее пределами – значительно возрастает. Ну ладно еще Каликст III, но уж его племянник Родриго... А Чезаре, сын последнего из названных, ставший, разумеется, кардиналом, а потом военачальником, этот-то каков?

Теперь дело не ограничивается доморощенными и благодушными, в общем-то, пасквилями: в хор вступают профессиональные менестрели и поэты-сатирики, бесстрашно рискуя вызвать гнев семейства Борджиа, безжалостного (как говорят) в преследовании противников и критиков.

Ситуация достигла апогея, когда разнесся слух о двойном инцесте: вы только подумайте, папа совратил дочь, да и родной брат Лукреции не остался в стороне. Какая гнусность! Впрочем, ни одного достоверного доказательства правдивости этих сплетен нет. На чем же зиждутся обвинения?

Свадьба – замковый камень триумфальной арки любви

Начнем со свадьбы Лукреции и Джованни Сфорца, двух подросших внебрачных детей. Дядя жениха, кардинал Асканио Сфорца, немало способствовал избранию на священный престол Александра VI (не стоит забывать, что до того его звали Родриго Борджиа).

Брак заключался по расчету и беззастенчиво преследовал политические интересы. Он был необходим, чтобы крепче связать папу с Лодовико Моро, который, как мы помним, тоже Сфорца. Свадьба, объединившая могущественные семейства, состоялась 12 июня 1493 года. На нее в сопровождении десяти кардиналов (среди которых и братец Чезаре, вступивший в должность несколько недель назад, поздравляем!) чрезвычайно торжественно прибыл понтифик, весь в красном пурпуре. Самим своим присутствием папа официально подчеркивает, что Лукреция – его дочь. Чезаре крепко обнимает сестру, слегка приподнимает над землей и целует в губы. Раздается всеобщее «ой». Брат! Сестру! В губы!

Джованни Сфорца

Чезаре Борджиа, Валентин

«Спора нет, Чезаре действительно любил Лукрецию, любил как брат. Может быть, даже больше – как десять тысяч братьев. Но... Она была для него единственным исключением из всех женщин, которых он не то чтобы ставил ни во что (что хотел, он от них брал), но за полноценных людей не считал. Чезаре и Лукреция сохраняли верность друг другу до конца жизни»¹³.

Однако вернемся к свадьбе. Итак, всеобщее «ой». Плюс к тому по левую руку от папы сидит Джулия Фарнезе, чья связь с понтификом в этой очередной комедии дель арте – секрет Полишинеля.

Свадебный подарок жениху от Лодовико Моро – город Пезаро. От Александра VI – тридцать одна тысяча дукатов. Но торжество не завершается брачной ночью – Лукреция, как тогда говорилось, еще не оперилась, ей всего тринадцать. По окончании церемонии папа забирает ее с собой, а Джованни отсылают в новоприобретенные владения, приставив для присмотра Чезаре. Свежеиспеченный супруг прекрасно знает, что с таким соглядатаем шутки плохи. И лишь несколько месяцев спустя молодые начинают семейную жизнь в Пезаро.

Прошло четыре года. Муж с женой сосуществуют мирно и спокойно. Хотя скука, конечно, смертная: глухая провинция,

¹³ Брэдфорд С. Лукреция Борджиа. Правдивая история.

развлечений кот наплакал, придворные не отличаются живостью и фантазией. Тем не менее Джованни выглядит счастливым и влюбленным. И неудивительно. Достаточно взглянуть на известный портрет Лукреции, написанный Бартоломео Венето: перед нами прелестная девушка с лицом, обрамленным светлыми мягкими волосами, придающими ему особое очарование. Невозможно удержаться от возгласа: «Кто устоит перед этой красотой?»

Тем временем политические планы Александра VI неожиданно меняются. Что такое? Что случилось?

Театр марионеток в театре военных действий

Несмотря на предостережения осторожных советников, король Франции Карл VIII Валуа решил вторгнуться в Италию и подчинить себе Неаполитанское королевство, отобрав его у Альфонсо II. Исторические хроники рисуют двадцатидвухлетнего французского монарха человеком туповатым и страдающим манией величия. Из-за некоторой расхлябанности в движениях его прозвали *roi guignol*¹⁴.

Король-марионетка привел в готовность сорокатысячную армию. Кое-кто в Италии горячо сочувствовал планам Карла – например, Лодовико Моро, Джулиано делла Ровере и Эрколе д'Эсте (с их именами мы еще встретимся). При чем тут предательство? Просто разумные тактические и меркантильные соображения.

¹⁴ Король-марионетка (*фр.*).

Лукреция

Начинается война. Французские морские силы разбивают неаполитанский флот, папское войско окружено в Романье, семейство Орсини тоже переходит на сторону неприятеля, присоединившись к прежним предателям. Александр VI чувствует, чем все это пахнет, удаляется в замок святого Ангела и ожидает там лучших времен.

Карл VIII под овации «пятой колонны» (теперь к ней добивалось и семейство Колонна) с триумфом входит в Урбе¹⁵. Первым побуждением папы было бежать, но он взял себя в руки, вспомнил о былой гордости и чувстве собственного достоинства и стал разыгрывать оставшиеся карты.

Для начала Александр VI отправил к Карлу VIII делегацию, состоящую из наиболее продвинутых представителей лучших фамилий. Переводчиком к ним был назначен Чезаре. Он хоть и учился в Пизанском университете, но по-французски изъяснялся так, будто окончил Сорбонну.

Встреча состоялась в палаццо Венеция, которое король-марионетка избрал своей временной резиденцией. Чезаре представил монарху делегатов. Начались переговоры.

Переводчик честно переводил, но иногда добавлял (по-французски) кое-что от себя. Например, спросил:

– Обратило ли внимание ваше величество, какую симпатию выразил к вам народ Рима? Надеюсь, вас порадовало всеобщее ликование? Кое-кто даже кричал: «Этому до-

¹⁵ Коммуна в Италии в регионе Лигурия. (Примеч. переводчика.)

стойному человеку место в Ватикане! Чего мы ждем? Давайте сделаем его папой!» Ваше величество, на вашем месте я бы подумал об этом предложении серьезно: король, ставший понтификом, – это нечто небывалое!

Карл Валуа расхохотался и ответил:

– Вы очень милы и к тому же говорите на нашем языке почти без акцента. Может быть, вы мой подданный?

– Нет, ваше величество, мне бы хотелось им быть, но увы, я родился в Риме. Ах, совершенно забыл: я должен передать вам привет от моего отца.

– И кто же ваш отец?

– Папа, ваше величество, я сын Александра VI.

– Боже мой! Я и не знал, что у папы есть сын! Вероятно, вы появились на свет до того, как он начал свою духовную миссию?

– Нет, сир, я родился, когда отец был уже кардиналом. Видите ли, у нас это обычное дело. Думаю, святой престол не занимал еще ни один папа, у которого бы не было детей, любовниц и даже жен.

– Ха-ха! Какой же вы остроумный! Но можно ли говорить в подобном тоне о верховном первосвященнике Вселенской церкви?

В общем, беседа с королем Франции прошла весьма успешно. Встретившись по ее окончании с отцом, Чезаре сказал: «Этого Карла ты сумеешь проглотить со всеми потрохами. Я сервировал, можешь приступать к трапезе».

Понтифик принял монарха в Ватикане. Карл Валуа входит в крытую галерею Апостольского дворца, фанфары папского войска исполняют нечто донельзя французское, и уже одно это производит на молодого короля-марионетку неизгладимое впечатление. Он всплескивает руками и склоняется перед папой, тот идет ему навстречу, а следом на некотором расстоянии движутся не епископы, как можно было бы ожидать, а самые выдающиеся дамы ватиканского двора.

Кот начинает игры с мышкой.

Александр VI обращается к молодому монарху на латыни: «*Exceslis rege qui degna stibus descendere hic Italiae magno honore civitas nostrum exultes menom matus!*»¹⁶

На лице Карла написан ужас непонимания. Папа громко смеется, перейдя на итальянский: «Хо-хо, я, кажется, вас напугал, мой мальчик? Не бойтесь, ваше величество!» Он помогает себе жестами. Мол, смотрите – вот мой сын, он вам будет толмачом. Карл: «*Votre fils? Oh, je suis bien content de ça! Il est tellement aimable!*»¹⁷

Улыбающийся Чезаре изящно делает вид, что хочет преклонить колено перед королем, но тот просит его встать и заключает в объятия. Воспоследовал сеанс одурачивания.

В результате достигли такого соглашения: понтифик пропускает французскую армию через папские владения, в об-

¹⁶ «Вы, столь высокого королевского рода, Вы оказали нам величайшую честь своим визитом в Италию». (Лат.)

¹⁷ «Ваш сын? О, я очень рад! Он так любезен!» (Фр.)

мен на что король соглашается немедленно покинуть Рим с обещанием покровительства семейству Борджиа и вечной дружбы. Чезаре же последует за монархом – формально как папский легат, на деле в качестве привилегированного заложника.

Карл VIII

Карл VIII триумфально вступает в Неаполь. Альфонсо II бежит на Юг, оказывается в Сицилии и отрекается от трона. Король Франции становится единовластным правителем еще и Неаполитанского королевства.

Но Испания и другие близлежащие государства обеспокоены растущим влиянием французов на Апеннинах. Принято согласованное решение в зародыше задушить эту гадину. Так создается Священная лига. Ее заявленная цель – защита от воинственной Османской империи, но и ежу понятно, что самый опасный турок родом из Парижа, его зовут Карл, или попросту король-марионетка. Тот понимает, что ему может изрядно не поздоровиться, и как истинный стратег отводит свою армию обратно на север, то есть бежит сломя голову.

Понтифик поручает тридцатилетнему Джованни Сфорца, своему зятю, возглавить обновленное неаполитанское войско, усиленное папским контингентом, и напасть на французов. Но Джованни, следуя испытанной тактике Квинта Фабия Максима, прозванного Кунктатором, что означает «медлитель»¹⁸, старательно избегает прямого соприкосновения с противником: прославленный древнеримский военачальник завещал нападать на врага не раньше, чем тот

¹⁸ Квинт Фабий Максим Кунктатор (умер в 203 году до н. э.) – древнеримский военачальник и политический деятель. Выступал за осторожную тактику в борьбе с Ганнибалом. (*Примеч. переводчика.*)

окажется в затруднительном положении. Сфорца-медлитель неукоснительно преследует Карла, но, к его сожалению, затруднительных положений у французов не наблюдается.

Тем временем Валуа узнает, что навстречу ему движется еще и армия Венецианской республики. Ох, как не хочется с ней столкнуться! Нужно убираться восвояси как можно быстрее. Французы вступают в Пизу. Их и здесь встречают с восторгом, местные красавицы славят и обнимают солдат, особенно кавалеристов. Но монарх торопит свое воинство: «Любовные победы оставят нас без обеда. Впрочем, обед здесь только для рифмы, он ни при чем, речь скорее о голове», – и поспешно ведет боевые порядки к Паданской равнине.

Иногда и королю полезно склонить голову

6 июля 1495 года французская армия спустилась в долину. Но здесь близ Форново-ди-Таро ее уже поджидало войско Священной лиги, которым командовал Франческо Гонзага, маркиз Мантуи. Разразилось жестокое сражение. Французы, хоть и оказались в меньшинстве, сумели избежать разгрома и вырваться из окружения, понеся большие человеческие потери. С итальянской стороны погибло столько же народа. Потрепанный, но непобежденный, Карл VIII переходит через Альпы и таким образом возвращается на родину.

Он отправляется залечивать душевные раны в Амбуаз. Здесь с ним случается происшествие, которое можно было бы назвать комическим, кабы не последствия: проезжая верхом под каменными воротами, не склоняющий головы король-марионетка бабахнулся лбом о низкий свод и пал за мертво. Конь остался невредим.

В добром здравии пребывал и зять Александра VI, правда, неизвестно где. Наконец его находят и вручают послание понтифика с настойчивым пожеланием передать командование более искусным полководцам и немедленно возвращаться в Рим. Джованни Сфорца не смеет ослушаться.

Поначалу папа внешне не выказывает ни малейшего неодобрения медлительному зятю. Напротив, в Вербное вос-

кресенье мы видим так называемого синьора из Пезаро в базилике святого Петра, где он сидит рядом с Чезаре среди самых влиятельных людей и даже принимает во время службы освященную пальмовую ветвь из рук самого понтифика. Оттуда он спешит во дворец Адрианы де Милы к поджидающей его там жене. Лукреция взволнована: она тревожится о дальнейшей судьбе Джованни, столь неудачно проведенного военную кампанию. Как бы, не задавая прямых вопросов, узнать о намерениях папы? Способ тут же найден – иначе Лукреция не была бы Борджиа.

Джованни уходит, а дочь папы, проливая горючие слезы на глазах Адрианы и прислуги, сетует, что нет уже сил терпеть постылого супруга – трусливого и никчемного как в бою, так и в мирной семейной жизни.

Утешая Лукрецию, одна из служанок (а римские служанки знают всё) говорит:

– Не волнуйтесь, скоро вас от него избавят.

Та в ответ:

– Избавят? Как? Может быть, убьют?

Тетушка Адриана спешит прервать опасный диалог:

– Ну, не надо говорить глупостей! Зачем же так сразу – «убьют»? Есть много способов попроще и помягче, чтобы избавить. И вообще, хватит сплетничать.

На этом разговор окончен, но информация уже получена.

Когда Джованни возвращается домой, Лукреция предупреждает его:

– Милый, плохи наши дела. Отец и Чезаре намерены от тебя избавиться. Они не угрожают открыто, а это значит, что у них уже есть тайный план, хитрый и, наверное, жестокий.

Он смеется:

– Кто тебе такое напел? Прислуга?

– Послушай, дорогой, судя по твоему тону, я понимаю, что мои слова тебя не убедили, но все же прими совет: в ближайшие дни держись поближе к конюшне, и пусть там стоят оседланная лошадь и сумка с провизией на первое время.

И, поцеловав мужа, опечаленная дочь папы удаляется, шепча: «Клянусь, мне будет очень больно, если тебе причинят зло».

Как говорится, помяни волка, а он и тут. Через некоторое время в покои Лукреции входит Адриана (нет, она не волк, а всего лишь интриганка) и сообщает:

– Во дворец прибыл твой брат.

– О, какой приятный сюрприз! – восклицает сестра самым искренним тоном и отправляется в зал скульптур, приказав Джакомино, любимому слуге, принести ей туда длинный плащ.

Когда просьба выполнена, Лукреция велит:

– Спрячься за статуей Геркулеса, удушающего Какуса, и внимательно слушай.

Входит Чезаре. Она встречает его нежной улыбкой и, обнимая, громко произносит:

– Какой прекрасный подарок твой визит!

Чезаре нежно целует сестру и без долгих вступлений сразу же переходит к делу:

– Мы с отцом решили, что твой муж больше нам не нужен. Теперь он лишь помеха. Тебе предстоит снова стать незамужней дамой, а точнее говоря – вдовой.

Лукреция хочет было что-то возразить, но брат не дает ей сказать ни слова:

– О подробностях после. Не бойся, все будет шито-крыто, ни на кого не падет ни тени подозрения, на тебя уж точно.

И, быстро попрощавшись, Чезаре удаляется.

Лукреция обращается к Джакомино:

– Ты слышал? Ступай и расскажи это синьору Сфорца.

Слуга повсюду ищет Джованни и наконец находит в конюшне, где тот уже предусмотрительно вскочил на своего турецкого скакуна. Джакомино передает услышанное, и муж Лукреции, дав коню шенкеля, галопом уносится прочь. Он летит стрелой без устали, не останавливаясь даже затем, чтобы дать рысаку напиться. Хроники утверждают, будто Джованни добрался до Марке за сутки. Ни один конь не смог бы такого выдержать. И точно: в воротах Пезаро скакун рухнул замертво.

Лукреция исчезает

А мы опять вернемся в Рим. Снова конюшня дворца Адрианы, но теперь здесь Лукреция с большим баулом в руках. Ее никто не сопровождает. Она приказывает седлать и легко, как настоящая амазонка, взлетает на спину лошади, укрепляет поклажу и, пришпорив, стремительно покидает столицу.

Только в сумерках Адриана де Мила заметила, что Лукреции нигде нет, а когда зазвонили к вечерне, уже по-настоящему разволновалась и послала слугу узнать, не задержалась ли дочь папы в гостях у матери. Нет, у Ваноццы в тот день она вообще не появлялась.

Дрожа от ужаса, Адриана сообщает о случившемся святому отцу. Тот в это время ужинает с послами, но немедленно отдает начальнику охраны приказ провести расследование. Разыскные мероприятия поручаются людям опытным, и вскоре становится известно, что госпожа выехала на лошади с поклажей по направлению к Аппиевой дороге. Может быть, просто на прогулку? Тогда поклажа зачем же? Выходит, сбежала.

Джоффри Борджиа

На следующий день папе доложили, что его младшенький, Джоффри, еще накануне вернулся из Неаполя и, вероятно, виделся с сестрой. Сейчас находится в доме матери.

Молодого человека доставляют в Ватикан. Сначала Джоффри отрицает, что вчера общался с Лукрецией, но отец грозен и настойчив – приходится сказать правду.

– Да, папа, мы с ней общались. Она была очень взволнованна. Говорила разное. Например, что вы с Цезаре задумали убить ее мужа.

– Экий вздор! Факты-то, факты где?

– Ну не знаю. Я в подробности не вникал, – отвечает молодой человек, – не до того как-то. У меня свои проблемы.

– У тебя? Какие же?

– Ты не знаешь? А ведь весь Рим считает, что папа Александр VI способен мгновенно проникать в самые сокровенные мысли и тайны!

– О чем это ты? О каких таких тайнах говоришь?

– Лично я – о тех, которые касаются нашей семьи.

– Слушай, нечего крутить вокруг да около. Не юли. Говори прямо.

– Прямо так прямо. Разве не проблема, что Цезаре просто так, забавы ради, силой овладел женой собственного брата, моей Санчей?

– Да ты что?

– Брось, отец, теперь ты сам начинаешь юлить. До свидания, я возвращаюсь в Неаполь.

– Стой! – понтифик хватается младшенького за руку. – Я узнал об отвратительном поступке Чезаре только недавно. От-вра-ти-тель-ном, так ему и было заявлено. Я отругал его самым основательным образом. Знаешь, что он мне ответил? «Будь ты хоть сто раз папа-распапа, не смей соваться в мои дела. Занимайся лучше своими делишками. Я ведь никогда не читаю тебе морали, а вообще-то, мог бы». Ну что на это скажешь?

На это растроганный Джоффри сказал, что после того, как он поведал Лукреции о своей проблеме, она стала проклинать всех и вся, включая отца и старшего брата, яростно крича во весь голос: «Довольно! Я убегу! Не хочу больше жить в этой мерзости! Какая подлость! За один день я узнала, что самые близкие люди замышляют убить моего мужа, а Чезаре еще и насильник! С меня довольно!» – и при этом доставала из сундуков верхнюю и нижнюю одежду, бросая то и другое в баул и многократно повторяя: «Лучше умереть в монастыре, чем жить в таком позоре!»

– Вот оно! – вскочил понтифик. – Ага, значит, она укрылась в монастыре. И как это мне раньше не пришло в голову?

Воспоследовал приказ прочесать все городские женские обители. Вскоре место, где скрывалась дочь папы, было обнаружено: Сан-Систо.

Папа немедленно туда направляется – один, безо всякого

сопровождения. Может быть, боится лишних глаз и ушей, опасных для вынашиваемых планов и скрываемых тайн. Может быть, действительно испытывает искреннюю отцовскую любовь, чурающуюся посторонних.

– Я же тебя люблю! Я на все готов ради тебя!

– Отец, любовь, которую ты мне демонстрируешь, меня не устраивает, – говорит дочь. – Это не настоящая любовь. Тебе кажется нормальной та жизнь, которую ты мне навязываешь? Все детство я думала, что жалкий человек, называвшийся мужем моей матери, мой папа. Ничего себе любовь! Мы с братьями считали, что высокочтимый кардинал, могущественный и умудренный, – наш добрый дядя. Как вдруг выясняется, что никакой не дядя, а материнский любовник с двадцатилетним стажем, понаделавший ей четырех ребятнишек. А потом оказывается, что все это не в счет, а вот пассии дамского угодника от святой церкви поистине бессчетны. А потом ты сходишься с моей подругой-красавицей, совсем молоденькой, да еще и подыскиваешь ей подставного мужа, у которого нет ни гроша за душой и всего один глаз. Чего только ни сделаешь ради соблюдения приличий! Потом наступает мой черед. Вы с Чезаре придумали, как привлечь на свою сторону герцога Миланского, Лодовико, который иногда мешал вам творить все, что заблагорассудится. Почему бы не породниться – и все дела? У Лодовико есть племянник, правда бастард, но и Лукреция незаконнорожденная – славная выйдет парочка. Ничего, что он вдвое старше, обо-

юдная выгода налицо. Моего мнения, заметь, никто не спрашивает, вот это любовь! А кого тут спрашивать – много ли понимает девчонка тринадцати лет? Когда-то ты учил меня в папской конюшне, как выбрать жеребенка для выездки. «Все они, в общем-то, хороши. Для начала попробуй хоть этого, а если он чем-нибудь не подойдет, укажи на другого, вели почистить как следует – и он твой». Но Джованни выбирала не я – за меня это сделал ты. Я не спорила, я была послушная дочь, хотя мечтала (маленькие девочки тоже мечтают) совсем не о таком муже. Странно, но твой выбор оказался не столь уж плох. Во-первых, Сфорца меня полюбил, а во-вторых, с ним я почувствовала себя живым человеком, а не шахматной фигурой, которую передвигают по клеточкам туда-сюда.

После долгого молчания папа задумчиво произнес:

– Должен сказать, что, судя по всему, ты знаешь меня лучше, чем я сам. Следовательно, оправдываться бессмысленно и глупо. Я сделал то, что сделал, и жил так, как жил. Но клянусь тебе, что, блуждая по лабиринту, упираясь в тупики то здесь то там, искренне надеюсь из него выбраться.

– Оставь, отец. Что значит «выбраться»? Может быть, сделать выбор? Какой? Отречься и самому уйти в монастырь? Смешно. Но я не в том настроении, чтобы веселиться.

– Ладно, понял. Сегодня не мой день. Надеюсь, что, живя в этих стенах, ты будешь иметь время для раздумий и, поразмыслив, сумеешь понять и простить всех нас. Ради всех

нас, милая.

Завершая мизансцену, достойную лицедеев высшей квалификации, понтифик ушел, напоследок обернувшись так, чтобы видны были слезы, обильно текущие по щекам.

Время для новой интриги

Александр VI слегка успокоился. Она, конечно, одумается, строгости монастырской жизни не для нее. Выйдет из обители совсем с другим настроением, готовая смириться.

Однако проходит несколько дней, и новость о том, что дочь папы навсегда покинула мирскую жизнь, разлетелась во все стороны, наделав много шума. Стало ясно, что физическое устранение ее мужа может наделать еще больше. Надо придумать что-нибудь другое, менее brutальное и трагическое. Нельзя ли превратить ситуацию в фарс? Можно.

Монастырская калитка. Чезаре громко стучит в нее дверным молотком. В окошечке показывается монахиня в головном платке и спрашивает:

– Что вам угодно?

Чезаре в ответ:

– Я кардинал Борджиа, брат мадонны Лукреции, откройте, прошу вас.

– Мне очень жаль, монсеньор, но согласно уставу никто, даже самый близкий родственник, не может попасть в обитель.

Монашка хочет захлопнуть окошко, но Чезаре успевает схватить ее за узел платка и тянет наружу. Через минуту калитка открывается, и вот уже посетитель входит в пределы монастыря, таща привратницу за волосы, да так, что она при-

поднимается на цыпочки. Он требует проводить его в келью Лукреции. Пара пересекает двор, одолевает крутую лестницу и останавливается перед двустворчатой дверью.

– Открывай! – командует кардинал снаружи.

Изнутри падает цепочка. Чезаре ударом каблука распахивает дверь и пинком вновь закрывает за собой. Увидев брата, сестра смертельно бледнеет и теряет дар речи.

Кардинал широко раскрывает объятия и, прижав Лукрецию к груди, принимается рыдать, бормоча:

– Я тебя люблю. Меня терзала мысль, что ты совершила свой опрометчивый курбет из-за меня.

– Терзала? Из-за меня? Уж не мнишь ли ты себя главным героем всей этой заварухи?

– Ради бога, сестричка, хоть ты помилосердствуй! Все пинают меня, как паршивого пса. Отец называл кровожадным разбойником, а узнав о происшествии с Санчей – еще и мерзким развратником. «Папа, – попытался я объяснить, – не я первый начал, она сама, скинув платье, набросилась на меня как безумная». В ответ он закатил мне такую оплеуху, что я полетел кувырком. А тут вдобавок и Джоффри. Знаешь, что он сделал после того, как женушка ему наябедничала? Приказал двум своим молодчикам найти меня и убить.

– Прекрати рассказы! Тоже мне, мастиф, изнасилованный болонкой!

Чушь собачья

– Знаешь, что мне это напоминает?

– И что же?

– Несколько месяцев назад мы с Джованни, которого вы задумали порешить, отправились, чтобы отпраздновать четырехлетие нашего брака, из Пезаро в Феррару, где как раз в это время была устроена большая ярмарка в честь герцога Эрколе д'Эсте. Приехали – и однажды вечером попали на удивительный спектакль, полный выдумки и сценических находок. Прежде всего, нас удивило то, что актеры говорили не на латыни или каком-нибудь малопонятном диалекте, как это обычно водится, а на разговорном итальянском языке, внятном и изящном. Кроме того, персонажи двигались и вели себя не как люди, а как животные, а именно собаки. Они виляли хвостами (это достигалось с помощью ниточек, которыми незаметно манипулировал сам исполнитель той или другой роли), обнюхивались, тыкались при встрече друг другу под хвост, приветственно рычали, вылизывали шеи и носы; кобели задирали лапу, изображая, что писают. Еще были сцены собачьих свадеб: скулеж, повизгивание, а потом начиналась настоящая случка. Суки прогибались, кобели залезали на них сверху. Действие развивалось прямо на улице, на мостовой. Что ж тут такого? Ведь речь о животных, а они не знают стыда. На каждом из актеров была

маска какой-нибудь породы: участие в спектакле принимали мастифы, охотничьи псы, маленькие собачки, а хор состоял из дворняжек. Чтобы подчеркнуть различия, комедианты, изображавшие породистых вожakov стаи, надели ошейники из тонкой кожи, с золотыми пряжками, а всякие шавки довольствовались веревками и ржавыми цепями...

Чезаре перебил ее:

– Какая-то чушь собачья. Прости, зачем ты рассказываешь мне об этом представлении? Или тут скрыта аллегория?

– Дорогой мой, это до ужаса похоже на нас. Но дай досказать. Постановка называлась «Собачий город». Позже я узнала, что пьесу перевели на английский – как и всё, что у нас нынче пишут. Изменили название, внесли еще кое-какие изменения, и труппа устремилась в Лондон. Однако король Генрих VII запретил спектакль и вроде бы отправил всех его участников, включая суфлера, на каторгу.

– Далеко не везде, – кивает брат, – одобряют откровенность наших нравов. Так и норовят видеть в них сплошные непристойности.

– Ах да, я совсем забыла об одной детали, – говорит Лукреция. – В постановке, которую мы видели, кроме взрослых были заняты маленькие дети. В самые смелые моменты им полагалось растягивать широкое полотно, служившее занавесом, слегка прикрывающим сомнительные картины. А потом, словно по волшебству, раздалась музыка, полная чистоты и нежности, и юные лицедеи стали танцевать, невинно

обнимая друг друга. И тут я вспомнила нас в детстве, когда мы все жили в одном доме и вместе играли.

– Да! Каждый – свою роль. Отец – то Хуан, то я. Ты, Лукреция, всегда была матерью, а Джоффри – сыном. Как же мы любили друг друга!

– Я, помню, все время повторяла: «Когда вырасту, выйду замуж за брата и стану жить с ним».

– А я ревновал к Хуану – ведь он старше на два года, и роль отца чаще доставалось ему. Мне приходилось быть дя-дюшкой-кардиналом.

– Но мне больше нравилось, когда главой семейства становился ты.

– И тогда мы ложились на кровать, как самые настоящие супруги. Никогда не забуду ласки, которыми мы обменивались.

– Я часто думаю, – сказала Лукреция, – почему нам так хотелось играть в семью?

– Наверное, потому, – ответил Чезаре, – что мы инстинктивно понимали: наш дом на самом деле не семейный, сплошная фикция. Вот и придумывали другую правду, хотя и она, в свою очередь, была выдумкой.

– Кстати о выдумках. В Риме болтают, будто между нами инцест.

– И до меня дошли эти гнусные слухи. Остережемся: на всякий случай лучше бы нам быть подальше друг от друга.

– Значит, мне придется уехать?

– Да, так было бы лучше.

– Но можно хоть обнять тебя в последний раз?

– Разумеется.

Все тайны Рима всплывают в Тибре

Два дня спустя, ранним утром, в прибрежной воде Тибра перевозчики обнаружили мертвеца в аристократическом платье, шитом золотом. При ближайшем рассмотрении он оказался не совсем утопленником: явной причиной смерти были многочисленные раны, нанесенные кинжалом. Труп без труда опознали – Хуан Борджиа, старший сын понтифика. Кто же мог прикончить и бросить в реку представителя столь могущественной фамилии, человека, предназначенного для блестящего будущего, предвещающего успехи и высокие свершения?

Предположений звучало множество. Называли семейство Орсини, приглядывались к семейству Колонна, далее по списку. Всё напрасно. В конце концов круг подозреваемых сузился, ограничился близкими покойного, и вот уже в римских дворцах и тавернах эхом зазвучало имя Чезаре Борджиа.

Жаль Хуана, еще больше – его отца. Но почему, задаются вопросом горожане, Александр VI, пребывающий в глубокой скорби, не приказывает провести тщательное и беспристрастное расследование? Если владыку Рима спрашивают, что он думает о причине убийства и его исполнителях, тот сохраняет глухое молчание. Римляне видят в этом подтверждение своих подозрений: «Папа молчит – следовательно,

знает». Страшно сказать: он, кажется, целиком под властью своего сына-любимчика.

Напрасно ждать помощи от сильных мира сего

А любимчик только отмахивается от всеобщей молвы. Не обращая внимания на глухой ропот, он заботится о завершении неоконченного плана, задуманного вместе с папой: надо наконец навсегда и бесповоротно разлучить Лукрецию и Джованни. Видимо, придется встретиться с ним с глазу на глаз. Чезаре с немногочисленной свитой отправляется в Марке.

Едва увидев молодого Борджиа, Джованни становится более полотно.

Тот же любезно улыбается:

– Дорогой друг, ничего страшного тебе не грозит. Я даже готов обсудить целых два варианта: если хочешь сохранить за собой Пезаро, ты либо официально признаёшь себя импотентом и, следовательно, человеком, неспособным иметь плотские отношения с женщиной, либо перед лицом суда заявляешь, что интимная близость с Лукрецией тебе претит.

Джованни, хоть и трусоват, вспыхивает негодованием:

– О первом и разговора нет, я еще в здравом уме. Теперь про второе. Неужто ты и впрямь ждешь от меня лжесвидетельства о том, будто твоя родная сестра до того отвратительна, что с ней и дела в постели иметь никому не хочется? Подумал бы о ее репутации!

– Ладно, – отвечает, подумав, кардинал, – тут ты прав, а если не хочешь признать свою импотенцию, то вправе не делать и этого. Видишь, как я уважаю твое человеческое достоинство? Надеюсь, судьба будет к тебе благосклонна. Ведь этот мир, брат мой, полон коварства и скрытых опасностей. В любую минуту может выскочить из загона разъяренный бык, все сметая на своем пути, а то еще встретится какой-нибудь религиозный фанатик, примет за еретика и, привязав к столбу, устроит тебе аутодафе. Или же ты по ошибке выпьешь бокал игристого вина, предназначенного кому-то другому и заблаговременно отравленного, и закончишь жизнь в ужасных конвульсиях. Всякое бывает! В любом случае подумай обо всем этом хорошенько, и мы вскоре еще поговорим. Чуть не запамятовал: если захочешь посоветоваться с женой – с моей, как ты совершенно верно давеча заметил, сестрицей, – знай, что она уже не живет в монастыре Сан-Систо.

– Вы ее похитили? – ужасается муж.

– Вот еще! Она покинула обитель по собственной воле, никого не предупредив, исчезла без следа – и ищи ветра в поле. Кстати, если получишь о ней сведения, не затруднись, пожалуйста, нас оповестить, мы ведь как-никак одна семья.

– И не подумаю!

Хуан Борджиа

Чезаре Борджиа, «ужасный сын»

Теперь из Марке перенесемся в деревушку близ Феррары. На берегу реки стоит старинный монастырь. Когда-то его забросили из-за чумы, бушевавшей в окрестностях, а несколько месяцев назад обитель начали обживать заново.

У ворот некий всадник осаживает коня и заводит разговор с каменщиком, ремонтирующим стену. Тот указывает на portик во дворе. Конный въезжает и спешивается.

Дальнейший путь ему преграждает немолодая дородная монахиня:

– Вон отсюда! Чего здесь надо?

Раздается голос Лукреции (она кричит из окна):

– О! Джованни! Наконец-то! Я так рада!

Джованни отвечает:

– Как тебя угораздило забраться в эдакую глушь? Да и стоило ли? Монастырь – не лучшее место, чтобы прятаться от верховного первосвященника.

– Глупенький! Пиццоккере – всего лишь община монашек младшего чина, поэтому разрешения на создание ордена не требуется. Папа о нас и знать не знает, ему не до таких мелочей.

– Будем надеяться. Хорошо, что Джакомино с известием от тебя успел меня застать. Верный слуга прибыл как раз в тот момент, когда я собирался исчезнуть из Пезаро куда подальше.

– А что случилось?

– Ко мне пожаловал Чезаре. Они там хотят аннулировать наш брак. Требуют, чтобы я признал себя импотентом.

– Ничего себе! И как же ты собираешься поступить?

– Даже не представляю, как выкрутиться.

– Да уж!

– Чезаре дал понять, что, если я стану упорствовать, со мной случится нечто похуже импотенции. В общем, чик – и готово. Ну ладно, я должен сообщить тебе еще одну огорчительную новость.

– О боже, это еще не всё? Говори!

– Твой брат Хуан... Он убит.

– Я уже знаю.

– Да? А знаешь, кого весь Рим считает убийцей? Чезаре!

– Увы. Боюсь, отец тоже причастен. Не может он не быть в курсе дел.

– Вот именно. А что еще тебе известно?

– Что после смерти Хуана папа три дня не показывался на людях, ночи напролет рыдал и молился в своих покоях. Я думала, Чезаре был с ним. А он, оказывается, помчался в Пезаро шантажировать тебя и угрожать смертью... А ты еще спрашиваешь, стоило ли мне забираться в такую глушь. Стоило! Не желаю больше видеть никого из своей кровавой кровной родни, хочу избавиться от этого ужасного проклятия – быть Борджиа!

– И все-таки ты – она. И я должен избавить тебя от име-

ни Сфорца. Но знай: с тобой я прожил лучшие годы своей жизни.

– Спасибо на добром слове, но она еще продолжается. Может, и дальше продолжится. Кажется, я вижу одну такую возможность.

– Какую же?

– Твой дядя, Лодовико Моро. Ведь наша женитьба была ему на руку, он должен быть признателен. Верно?

– Верно. Но бессмысленно.

– Отчего же? Стоит попробовать.

– Я уже пробовал, милая Лукреция, но кроме дополнительного унижения ничего не обрел.

– Расскажешь?

– Почему бы и нет? Я обратился к дядюшке, попросил вступить за нас, защитить, а он сказал: «Знаешь, что тебе надо сделать? Докажи всем, что ты не импотент, а просто огонь!» – «И как же мне это доказать?» – «Соберем представительную комиссию из лиц, заслуживающих доверия. Неплохо бы включить в нее папского легата, кого-нибудь из мира искусств, парочку врачей... Впрочем, подробный состав обсудим позже. Ты предстанешь перед этой авторитетной коллегией абсолютно голым. Раз – и входит обнаженная красотка. Грудь, попка, все такое. Вперед, Джованни! Оприходуй ее раза три! Да нет, двух будет вполне достаточно для удостоверения твоей полной дееспособности».

Лукреция смотрит, широко раскрыв глаза, и восклицает:

– Невероятно! Он предложил именно это? Воистину все что угодно так легко обратить в фарс! Ой, я совсем забыла спросить: ты не голоден?

– Не волнуйся. На обратном пути найду какой-нибудь трактир.

– Даже не думай! Уже темнеет, и пускаться в путь на ночь глядя неразумно. Остайся переночевать, а уедешь завтра на рассвете.

– Здесь найдется для меня комната?

– Да, моя.

– Ты уверена?

– Вполне. Я не знаю, что случится дальше. Может быть, это последняя встреча. Пусть и у меня останутся приятные воспоминания о нашей жизни.

Утром Джованни вскочил на коня и отправился в Милан, где в присутствии Лодовико Моро, а также кардинала Асканио Сфорца и Чезаре Борджиа подписал бумагу о своей полной импотенции.

Завершив оформление документа, он отвел брата жены в сторонку:

– Я выполнил ваше требование. Уважь в ответ мою просьбу: оставьте Лукрецию в покое, дайте ей жить как она пожелает.

Примерно в то же время Лукреция добралась до Рима. Понтифик и два нотариуса принимают от нее письменное

свидетельство о том, что брак с Джованни Сфорца никогда не был консумирован¹⁹.

На прощание отец заключает дочь в объятия:

– Не бойся, всё в порядке, ты совершенно свободна и, я искренне надеюсь, будешь счастлива. Прошу тебя задержаться здесь на часок-другой – хочется, чтобы ты присутствовала на консистории.

– Зачем?

– Сюрприз, милая моя. Уверен, ты крайне удивишься тому, что я скажу, когда я это скажу.

– Но как я могу сидеть среди клира, ведь я все-таки женщина!

– Пройди вон в ту комнату, там хранятся платья прислуживающих мне сестер. Подбери себе что-нибудь по размеру и следуй в Гобеленовый зал. Как только ты появишься, я начну речь.

¹⁹ Консумированный брак – факт полноценных отношений между супругами. (Примеч. переводчика.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.